

МНОГОЯЗЫЧИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

Иштван Вашари

Университет им. Лоранда Этвеша

Н-1053, Будапешт, Венгрия

E-mail: hulagu@t-online.hu

Цель: рассмотреть языковые и культурные взаимодействия в Золотой Орде.

Материалы исследования: автор в статье опирается на различные документальные и нарративные источники, нумизматические материалы, приобщает сведения российских и западных историографов и осуществляет сравнительные исследования, касающиеся вопросов языкового и культурного взаимодействия в Золотой Орде.

Результаты и научная новизна: Представленные темы рассматриваются на примере двух западно-монгольских государств: Золотой Орды и государства Ильханов на территории Ирана. Автор определяет временные рамки исследования до середины XIV века. В результате своего исследования автор приходит к выводу, что несмотря на то, что монгольский язык и письмо стали официальным средством общения в империи, он никогда не заменял и не вытеснял местные языки, так как образовавшаяся империя была мультикультурной, и завоеватели в ней составляли языковое меньшинство. А отставание Золотой Орды от Ирана в процессе исламизации автором объясняется тем, что большинство завоеванного там тюркского населения (за исключением территорий волжских булгар) еще не подверглось или лишь поверхностно подверглось исламизации; в то время как в Иране ислам уже в течение веков был органической частью исламской цивилизации, поэтому здесь культурная и религиозная ассимиляция находившихся в меньшинстве завоевателей проходила гораздо быстрее. Научная новизна статьи опирается на выводы автора о том, что несмотря на то, что монголы и стали мусульманами, они еще в течение долгого времени не могли, да и не хотели, отказываться от многих традиций и привычек своих предков. Они сохраняли существенные элементы монгольской религиозной и правовой системы Ясы, освященной основателем Чингиз-ханом. В первую очередь, у так называемой «золотой ветви» (*altan uru*) династии Чингиза сохранились претензии на универсальное мировое владычество, которые долгое время оставались в силе и после падения монгольских государств-наследников в XIV веке.

Ключевые слова: история, культура, религия, Золотая Орда, Иран, Монгольская империя, языковая ситуация.

Для цитирования: Вашари И. Многоязычие и культурные взаимодействия в Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 56–73. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.56-73

Следствием монгольских завоеваний было образование к середине XIII века крупнейшей из известных в истории евразийских империй. После избрания Чингиза ханом всего монгольского мира и объединения в 1206 году монгольских племен, с территории Монголии выступила армия, состоявшая из воинов-кочевников и представлявшая собой невиданную по мощи боевую машину, которая всего за два поколения (то есть к 60-м годам XIII столетия) создала

огромную империю, простиравшуюся по всему евразийскому континенту от Китая до Карпат. В течение долгого времени исторические исследования сосредотачивались, в основном, на военных событиях монгольских завоеваний, и в большинстве работ акцент делался на катастрофические разрушения, причиненные нашествием монголов практически во всех странах и обществах Евразии. Однако позднее пришло понимание того, что всякое завоевание, после первых разрушений, может оказать на общество и положительное влияние и, объединив в один политический организм самые разнообразные народы, языки и культуры, выступить катализатором политического, экономического и культурного обмена между различными цивилизациями. Такие процессы в мировой истории происходили в больших империях и в период эллинизма, и в Римской империи, а в Новое время – в Британской и Российской империях.

В последние десятилетия явления глобализма и мультикультурализма породили новый подход, в рамках которого самые современные события сопоставляются с аналогиями из прошлого, например, из Средних веков. Естественно, что на этом фоне резко возрос интерес к монгольским завоеваниям и к той эпохе, в которой часто искали и ищут средневековый прообраз современного глобализма. Во втором издании 2007 года своей прекрасной монографии «Монголы» («The Mongols»), Дэвид Морган посчитал нужным добавить к содержанию изначального издания 1986 года еще одну главу «Империя монголов после 1985 года» («The Mongol Empire since 1985») [33, p. 181–206], в которой он указывает на скачкообразные изменения в исследованиях Монгольской империи, сопровождая главу подробной библиографией. Нет числа монографиям и статьям на эту тему, которые основываются на отличных научных исследованиях, не говоря уже о более популяризаторских, но также безупречных работах. Книгам о Чингиз-хане обеспечен успех на западном книжном рынке, несмотря на то что такие книги в последние годы выходят десятками.

Только за последние десять лет мы можем упомянуть следующие названия конференций и книг: «Кросс-культурные контакты и обмены до Нового времени» (1993) [16], «Товары и обмен в Монгольской империи» (1997) [11], «Евразийские кочевники как посредники культурных перемен» (2006)¹, «Чингисхан: анализ мировой системы и преиндустриальная глобализация» (2013) [29], «Мобильность и трансформации: экономические и культурные обмены в монгольской Евразии» (2014)².

Сравнительные исследования, упомянутые в заголовке статьи, будут рассматриваться нами на примере двух западно-монгольских государств: Золотой Орды и государства Ильханов на территории Ирана. Нам кажется целесообразным сразу же определить временные и территориальные рамки нашего исследования. Уже с самого начала единство громадной империи от Китая до Карпатского бассейна было фиктивным, так как сам Чингиз-хан, а затем и его наследники, великие ханы, управлявшие империей из центра в Монголии, лишь сакрально и юридически объединяли ее части, в которых с самого начала функции хана исполняли наследники Чингиза, формально и юридически подчиненные великому хану. Однако после смерти в 1259 году внука Чингиз-

¹ *Eurasian Nomads as Agents of Cultural Change*. Symposium organized by the Institute of Advanced Studies, The Hebrew University of Jerusalem, Givat Ram Campus, 5–8 June 2006.

² *Mobility and Transformations: Economic and Cultural Exchange in Mongol Eurasia*. Conference convoked by the Hebrew University of Jerusalem, June 29th – July 1st, 2014.

хана, хана Мунке (все еще признаваемого в качестве великого хана в каждом отдельном улусе), в ходе борьбы за трон между Арик-Букой и Хубилаем империя фактически раскололась на четыре части. На востоке Монголией и Китаем правил носитель титула великого хана, Хубилай, который вскоре перенес свой трон из Монголии в Китай и стал первым императором Юань, династии монгольского происхождения. Территория нынешней Средней Азии (весь Восточный и Западный Туркестан) попала под владычество другого сына Чингиз-хана, Чагатая. После более ранних монгольских нападений и набегов, историческая территория Ирана (современный Афганистан, Южный Кавказ и территория Багдадского халифата в Месопотамии) оказалась, наконец, под властью монголов только в 1258 году вследствие кровавого завоевания и разорения Багдада и перешла под управление внука Чингиз-хана, Хулагу. И, наконец, в 1241–1242 годах, после западного военного похода (который в Венгрии известен как «Татарское нашествие»), на огромных степных просторах от озера Балхаш до Карпатского бассейна сложилась империя, которая позднее получила название Золотой Орды в русской и европейской специальной литературе.

Первый период существования обоих осколков Монгольской империи продолжался более столетия. В Золотой Орде он длился до смерти в 1359 году последнего хана из рода Батыя, Бердибека. После чего, в результате двадцатилетней борьбы за трон и анархии, к власти пришли представители другой ветви Чингизидов, хотя дальнейший распад Золотой Орды на Казанское и Крымское ханства и Большую Орду произошел только в XV веке. В монгольском Иране наследники Хулагу, ильханы, правили до 1335 года. Затем наступил период анархии, длившийся десятилетия, и, наконец, к власти пришла династия Джалаиридов, также монгольского происхождения, которые, однако, не являлись Чингизидами. С указанной выше точки зрения, в данной работе рассматриваются оба монгольских государства до середины XIV века.

Естественно, официальным языком на завоеванных территориях Монгольской империи – в Китае, Средней Азии, Иране и в Золотой Орде, – стал *монгольский*. Однако не стоит забывать о том, что в начале XIII века монгольская письменность была еще очень молода и возникла для обслуживания административных нужд формирующейся империи. Известно, что только туркестанские уйгуры мирно подчинились Чингиз-хану в 1206 году. Уйгуры в то время были самым культурным народом Внутренней Азии и уже в течение нескольких веков имели собственную письменность на основе тюркского языка. Монголы переняли письменность у уйгуров, и уйгурские книжники помогли адаптировать эту письменность к монгольскому языку. Так называемое уйгурско-монгольское письмо служит монгольской культуре уже восемь столетий до наших дней, несмотря на то что в советское время оно было почти полностью вытеснено кириллическим. Уже в 40-х годах XIII столетия, практически сразу после внедрения монгольского письма, появилось такое чудесное произведение как «*Сокровенное сказание монголов*», которое по-настоящему было открыто и исследовано только в XX веке, и которое до сих пор является уникальным источником сведений об истории монгольских завоеваний.

Хотя монгольский язык и письмо стали официальным средством общения в империи, они никогда не заменяли и тем более не вытесняли местные языки, так как империя, образовавшаяся в результате монгольских завоева-

ний, была мультикультурной, и завоеватели в ней составляли языковое меньшинство. Неслучайно, что через 100–150 лет монгольский язык практически полностью исчез на завоеванных территориях, и его использование ограничилось территорией исторической Монголии (монгольское плато вместе с внутренней Монголией на территории нынешнего Китая). Монголы подходили практически как к вопросам языка, так и к вопросам идеологии и религии. Хотя превыше всего они ставили свое мировоззрение и свой язык, в отличие от монотеистических мировых религий с их прозелитизмом и современных национальных движений, монголы никогда не пытались ассимилировать чужие культуры. Им было достаточно признания завоеванными народами монгольского политического господства; что, в свою очередь, ставило перед ними практическую задачу организации на захваченных землях административного управления для поддержания своей власти и сбора податей. В этой империи с огромной территорией, объединявшей множество языков и культур, существовала потребность в хорошо подготовленных, владеющих языками чиновниках. Эта потребность создавала исключительные возможности для работы устных и письменных переводчиков. К данной деятельности привлекались люди из самых разных областей: купцы и дипломаты, путешественники и авантюристы, а также – миссионеры различных религий, чиновники и писцы различных канцелярий. По меткому замечанию Томаса Оллсена, «изучение и знание языков в монгольскую эпоху стало статьей политического дохода» [12, p. 35].

Также, как и с созданием письменности, в организации по всей империи монгольских канцелярий активное участие принимали уйгурские чиновники-писцы, название которых «бахши» было заимствовано в монгольском языке из уйгурского. В то время как нам не известно ни об одном документе на монгольском языке на территории Золотой Орды (к причинам такого явного отсутствия там монгольских документов мы вернемся позднее), до нас дошло большое количество таких документов от монгольских ильханов Персии. Самый ранний документ – от Абака-хана (1267), а самый поздний – также от монголов (но не Чингизидов), Джалаиридов (Шайх Увайс, 1372). Интересными памятниками внешней политики ильханов являются несколько роскошно оформленных монгольских писем, адресованных французскому королю Филиппу Красивому. Одно из этих писем, от ильхана Аргуна, датируется 1289, а другое, от ильхана Улджайту – 1305 годом. Особый интерес представляет письмо Улджайту, на обратной стороне которого известный генуэзский авантюрист Бускарелло ди Гизольфи, служивший послом нескольким ильханам, сделал латинский перевод, также скрепленный красной печатью ильхана.

Однако монгольский язык, передаваемый с помощью уйгурского алфавита, использовался не только в дипломатической переписке, но и во внутренних жалованных грамотах. Хороший пример – грамота, выданная ильханом Абу Саидом в 720 г.х/1320 году Шайх Бадр ад-Дину Абу Мухаммад Махмуду в Султании [17; 41].

Здесь следует коротко остановиться на знаках, заверяющих документы в монгольских канцеляриях, а именно на печатях и «табличках-удостоверениях». И те, и другие знаки, использовавшиеся в монгольских канцеляриях, имели явно китайское происхождение, служа хорошим примером культурных

влияний в монгольскую эпоху. Использование печатей в Китае уходит корнями в глубокое прошлое (первые сведения о печатях относятся к 554 году до н.э.), и весь Дальний Восток и Южная Азия научились пользоваться печатями у Китая. После завоевания Северного Китая, а затем и всей Срединной империи, монголы также переняли пользование печатями в своих канцеляриях. Эти печати характеризуются прямоугольной формой, большим размером (5–15 см), а также использованием красного цвета. Китайские печати использовались во всей Монгольской империи, на них даже сохранились надписи на китайском языке; например, на печати в письме Газан-хана папе Бонифацию VIII от 1302 года можно видеть китайскую надпись [34].

В первые сто лет существования Золотой Орды на ее территории не осталось ни одной печати (также, как и монгольских документов), однако у ильханов их можно видеть во множестве на всех документах. На каждом документе встречается по пять–шесть печатей, которыми заверяли склеенные края бумаги. До 1316 года использовались только печати с китайскими надписями, затем – с надписями на уйгурице; а после распространения ислама на них встречаются арабские формулы. Однако четырехугольная форма и красный цвет печати сохранялись в неизменной форме. В Золотой Орде печати встречаются только на более поздних документах на тюркском языке, а надписи всегда выполнены на арабском в стиле куфи. Как в монгольском, так и в тюркском языке красная китайская печать называлась *al tamğa* (оба слова в монгольском являются древним заимствованием из тюркского языка) [42].

Другое китайское изобретение, принятое в монгольском государстве – это табличка «пайцза» (на монгольском и турецком – *baysa*, на персидском – *pāyza*). Это – продолговатая, прямоугольная, плоская табличка с округленными краями из металла (золото, серебро, медь, бронза, железо), довольно большого размера (25–30 см в длину и 8–10 см в ширину), которую государственные чиновники и их доверенные лица носили на груди или на поясе. На обеих сторонах пайцзы находились надписи, которые, в отличие от надписей на печатях, с самого начала делались на монгольском языке. Эти таблички всегда подписывались от имени хана и обеспечивали их владельцу на всей территории империи свободное передвижение, проживание, питание и снабжение лошадьми и повозками, необходимыми для путешествия. Можно сказать, что «пайцза» одновременно являлась подорожной, доверенностью и привилегией на всей территории империи [35]. Чаще всего, выдача ханской жалованной грамоты сопровождалась получением «пайцзы», которая давала дополнительные привилегии, и этот факт всегда упоминается в подтверждении грамоты; например, «даровали грамоту с красными печатями и пайцзу». В монгольских текстах изначально китайское слово передавалось как *gerege / gerige* [18], а в турецком его никогда не переводили, но лишь адаптировали китайское слово в форме *baysa*. На территории Золотой Орды сохранилось только несколько табличек пайцза; на всех них монгольский текст, написанный уйгурским алфавитом, имеет следующее содержание:

«Повелением вечного неба имя хана да будет свято. Указ хана ХУ. Кто не поверит – должен быть убит» [42, о. 63].

Так как функция пайцзы оставалась неизменной, а менялись только выдававшие ее ханы, ее текст сохранял этот неизменный стереотип. Этим объясняется тот факт, что турецкий перевод в Золотой Орде не появился и позд-

нее, и в наибольшей степени монгольская традиция сохранялась как в Золотой Орде, так и в Иране Хулагуидов в надписях на пайцзе (монгольский язык и уйгурский монгольский алфавит). По-другому складывалась ситуация во времена Юань, династии монгольского происхождения в Китае (1271–1368), где великий хан Хубилай (правил в 1260–1295 годах) приказал создать новое официальное монгольское государственное письмо империи, которое затем и было разработано придворным тибетским монахом Пагба-лама (Пхагспа) (1235–1280). Однако существование этого, так называемого квадратного письма Пагба-ламы оказалось недолговечным: им пользовались всего около ста лет и только в восточных частях империи – в Китае и Средней Азии. Представленная здесь пайцза времени династии Юань хорошо иллюстрирует многоязычие и мультикультурализм эпохи: на ней находятся надписи на двух языках с использованием трех алфавитов. Текст на монгольском языке написан как уйгурицей, так и новым письмом Пагба-ламы, а написанная арабскими буквами персидская фраза указывает на то, что персидский язык использовался в качестве *lingua franca* во всей Азии, и даже в Китае.

В западной части Монгольской империи, то есть в Золотой Орде и в государстве Ильханов, монголоязычные завоеватели с самого начала были в языковом меньшинстве. Несмотря на самый высокий престиж монгольского языка среди правящего класса, в обоих улусах завоевателям приходилось считаться с языками большинства. Это были различные тюркские языки в Золотой Орде и персидский (фарси) в Иране. Однако и в Иране также невозможно было оставить без внимания тюркские языки, на которых говорила значительная часть населения; ведь говорившие на огузском тюркском языке сельджуки, завоевав Иран в XI веке, сделали его центром своей империи, куда в XI–XII веках постоянно прибывали и оседали новые волны тюркских племен (в первую очередь огузы и туркмены).

Если монгольское письмо было создано с помощью тюрков-уйгуров после первых завоеваний во втором десятилетии XIII столетия, то тюркская письменность в то время уже представляла многовековую традицию. Тюркское руническое письмо возникло в VI, а уйгурский алфавит – в VIII веке. Оба они продолжали широко использоваться: известны тюркские рунические тексты VI–X веков, а уйгурская письменность практически пережила монгольский период и в Восточном Туркестане использовалась до XVII века. В то же время, с точки зрения нашей темы, важнее, что в течение двух веков до монгольского нашествия (1000–1200), в процессе продвижения ислама на восток на территории Средней Азии, находившейся под властью тюркской династии Караханидов, распространилась исламская тюркская письменность, в которой использовался отчасти арабский, отчасти древнеуйгурский алфавит³.

³ Обо всех этих видах тюркской письменности хорошие сведения даются в двухтомном издании *Philologiae Turcicae Fundamenta (I–II)* [37]. О литературе Караханидов писал Р. Данков [19]. В этом исследовании Данков убедительно доказывает, что словарь Махмуда Кашгарского (1072–1074), *Диван Лугат ат-Турк*, и поэтическое произведение Юсуфа Хас-Хаджиба Баласагунского (1069), *Qutadgu Bilig*, имели огромное значение для создания исламской тюркской (арабской) письменности; однако после монгольского периода тюркская письменность пошла по другому пути, и литературный язык Тимуридов и западных тюрков (османов и азеров) не может считаться непосредственным продолжением литературного языка Караханидов.

Монгольские завоевания радикально изменили этнические границы во Внутренней Азии и способствовали возникновению новых центров исламской тюркской письменности. Таким центром стал Хорезм, который на век попал под власть правителей Золотой Орды. Здесь возник и процветал в XIII–XV веках новый исламский тюркский литературный язык, который в современной тюркологии называют хорезмийско-тюркским языком, в немалой степени, благодаря исследованиям венгерского ученого Яноша Экмана. Хорезмийско-тюркский язык – это не прямое продолжение литературного языка Караханидов, а новая «смесь» среднеазиатских тюркских языков. Особенно отличается от языка Караханидов словарный запас, так как в нем своеобразно смешиваются лексические элементы огузского и кыпчакского языков. Следует подчеркнуть, что памятники как письменности Караханидов, так и хорезмийской письменности отображают сложившийся литературный язык и не дают представления о состоянии разговорного языка того времени. В отличие от них, грамматики и лексиконы мамлюков-кыпчаков, также составленные на арабском языке в XIII–XIV веках в Египте, а также уникальный памятник «*Codex Cumanicus*», хранящийся теперь в Венеции, дают достоверную картину состояния языка северо-западных тюрков, то есть кыпчаков. К тому времени на всей территории Восточной Европы уже в течение двух веков говорили на кыпчакских или кумано-кыпчакских диалектах. А на средней Волге с IX века жили тюрки-булгары, которые в X веке подверглись исламизации; но от их сравнительно нешироко распространенной тюркской письменности остались лишь отдельные памятники.

Итак, в Улусе Джучи, который мы называем Золотой Ордой, во время монгольских завоеваний в 1236–1241 годах большая часть населения говорила на тюркско-кыпчакском (в небольшой степени, на тюркско-булгарском) диалекте, а находившиеся в меньшинстве татары или монголы всего за два поколения полностью растворились, в языковом смысле, в тюркской среде Половецкой степи (Dašt-i Qırçaq). Египетский мамлюк ал-Омари (ум. 749 г.х./1348–1349 гг.) ясно пишет, что татары (под которыми он, естественно, подразумевает монгольских завоевателей) полностью слились с народом кыпчаков [13]. Мы имеем право предположить, что через два поколения после завоеваний хана Батые, то есть к 80-м годам XIII столетия (в последние годы правления хана Менгу-Тимура), монгольский язык на территории Золотой Орды полностью вышел из употребления. Позднее мы вернемся к этому интересному вопросу: почему монгольский язык так быстро вышел из употребления там, в то время как в государстве Ильханидов он сохранился гораздо дольше как в официальном, так и в повседневном употреблении? Таким образом, с территории Золотой Орды, как мы уже упоминали, до нас практически не дошло текстов на монгольском языке, за исключением кратких стереотипных текстов на табличках пайцза⁴. Здесь возникает вопрос, а использовался ли вообще когда-нибудь монгольский язык в канцеляриях Золотой Орды?

По мнению С. Закирова, А. Григорьева и других – безусловно: в администрации официально принятым и обязательным языком был монгольский, а тюркские переводы появились позднее [8, с. 65, 98, 100, 102; 5]. М.А. Усманов считает, что с самого начала официальным языком Золотой Орды был

⁴ За одним исключением, об этом см.: [9, р. 81–87].

тюркский, который использовался также в переписке с государством египетских мамлюков [10, с. 94–101]. Этот вопрос не может быть решен на основании сегодняшних знаний, так как из первых 130 лет существования Золотой Орды до нас не дошло ни одного оригинального документа. Первый оригинал – это ярлык хана Токтамыша крымскому Хаджи Бею, датируемый 782 г.х./1381 годом [7, с. 2, 13–15]⁵. Вместо них, мы располагаем русскими, латинскими и итальянскими переводами, сделанными в XIII–XIV веках, благодаря которым можно сделать достоверные и важные выводы о языковых особенностях утерянных позднее документов. Средневековая Русская церковь сохранила русские переводы ханских жалованных грамот, в которых золотоордынские ханы предоставляли ей налоговые привилегии. Латинские и итальянские переводы относятся к XIV веку и описывают привилегии двух итальянских колоний в Крыму – венецианской Таны и генуэзской Каффы. Эти ценные документы хранятся в архивах Венеции и Генуи [20; 21; 6]. Тщательный филологический анализ документов ясно показывает, что переводы сделаны с тюркских оригиналов [3]⁶, но это означает лишь то, что в XIV веке в канцеляриях Золотой Орды использовался тюркский язык. Существует единственный, более ранний русский перевод 1267 года жалованной грамоты хана Менгу-Тимура митрополиту Кириллу; однако этот короткий перевод не позволяет сделать вывод о языке оригинала. Как бы там ни было, нельзя исключить, что в первые десятилетия существования Золотой Орды в ней использовался документооборот на монгольском языке, однако вскоре он вышел из употребления и был заменен использованием языка тюркского большинства. Во всяком случае, к концу XIII века местные языки появились также в официальном обороте в различных частях монгольской империи (например, в Иране)⁷. В то же время практика применения монгольского языка в документации сохранилась вплоть до 60-х годов XIV столетия, когда монгольская элита, вероятно, уже давно не говорила по-монгольски (в Иране, напр., еще в 1358 году была выпущена грамота на монгольском языке). Все это вновь возвращает нас к уже сформулированному выше вопросу: почему в Золотой Орде так быстро перешли с монгольского на тюркский язык, в то время как в Иране монгольский так долго сохранялся в употреблении? На этот вопрос не существует однозначного ответа; однако мы не уйдем далеко от истины, если предположим, что в первую очередь роль в этом сыграла близость культуры монголов и тюрков. Завоеванные монголами тюркские народы были частью мира кочевых племен, который определял историю Внутренней Азии еще со времен азиатских гуннов (*xiongnu*). Есть множество примеров перехода тюркских племен на монгольский язык и монгольских племен на тюркский. Смена языка в этих случаях не сопровождалась сменой

⁵ Оригинал хранится в Институте Восточных Рукописей Российской Академии Наук (ИВР РАН), Д–222.

⁶ О языковых следах тюркского оригинала в ханских ярлыках, данных русскому духовенству, см.: [4].

⁷ *Джәми' ал-таварих* Рашид ал-Дина содержит тексты семи персоязычных документов, которые были составлены в канцелярии Газан-хана (1298–1304); см. издание Ализаде: [1, с. 426–432, 434–446, 466–476, 510–517]. См. ярлык, выданный Улджейту-ханом 2 октября 1313 г. (10 джумада II 713 г.х.), в: [39]; два ярлыка, выданные Абу Са'ид ханом в 1331 году, в: [36].

культуры: ведь экономические, социальные, религиозные и культурные корни тюрков и монголов были очень близки. Тюркизация монгольского этноса в Золотой Орде происходила легко и очень быстро, за полтора–два поколения⁸. В отличие от этого, в Иране, где монгольская элита столкнулась с тысячелетней иранской культурой и языком, ассимиляция происходила гораздо медленнее. Это ускорило ослабление этнической идентичности монголов в Иране и привело, в конце концов, к ее утере после принятия ислама, которое произошло на рубеже XIII–XIV веков.

Далее мы рассмотрим явление, которому до сих пор не уделялось должного внимания, а именно тот факт, что в Иране в монгольский период было достаточно большое количество тюркского населения, которое могло играть роль посредника между монгольской и иранской культурами. Известно, что после завоеваний сельджуков, начиная с XI века, в Иран постоянно прибывали и оседали здесь тюркские племена. Сельджуки, огузы, туркмены говорили на языках и наречиях, принадлежащих к юго-восточной ветви тюркских языков, из которой затем сложилась тюркская анатолийская, османская и азербайджанская письменности. Среднеазиатские сельджуки завоевали Иран уже будучи мусульманами, и, хотя они захватили политическую власть, в культурном отношении сами они были покорены иранской цивилизацией, все элементы языка и культуры которой они принимали и поддерживали. Это значит, что до монгольского периода тюркские тексты на территории Ирана не появлялись, несмотря на большое количество тюрков, там живших и игравших определяющую роль в армии. Как мы видели, в монгольский период туда приходит монгольская письменность; и, что интересно, после этого появляется также небольшое количество тюркских текстов. Монгольская письменность и канцелярская практика были созданы уйгурами и вводились с помощью уйгурских чиновников и писцов (*bitikçi* и *baḥşı*). Уйгуры же пользовались восточным тюркским литературным языком, который затем послужил, отчасти, основой для исламской тюркской письменности династии Караханидов, исламизированной в XI веке. Неудивительно, что первые тюркские письменные документы на территории Ирана в период правления ильханов связаны с работой монгольских канцелярий.

Здесь будет уместно представить такой документ, чтобы показать на его примере характер кратких тюркских текстов. Грамота выдана одним из главных эмиров Улджайту-хана, Амир Хусейном, главным заместителем на землях правителя (монгольское *inčū*) в 1305 году. Содержание грамоты касается владений в провинциях Тебриз и Ардебил [27, s. 84–89 (таблицы 25–35); 24]. Грамота является ярким примером мультикультурализма, господствовавшего в XIII–XIV веках в постмонгольских государствах. Грамота написана на персидском языке, а на главной печати, в конце, находится монгольская надпись, сделанная уйгурицей (*Üseyin-ü gerige belge*, «Заверение и печать Хусаина»). На четырехугольных печатях правителя, которые ставились в склейках, имеются китайские надписи. Наконец, на обратной стороне грамоты находится краткая надпись в пять строчек, сделанная уйгурицей на восточно-тюркском языке, которая передает краткое содержание персидского документа.

⁸ Предположение о том, что по языку монголы в Иране были более “чужими”, чем монгольские властители в Золотой Орде, большинство подданных которых были тюрками, впервые высказал Усманов [10, с. 100–101].

Интересно, что тюркские надписи появлялись не только как следствие работы монгольской канцелярии, но и независимо от нее. Уникальным памятником является, например, тюркская надпись в сирийском католическом монастыре Мар Бехрам, находящемся в 30 километрах на юго-запад от Мосула, вблизи руин Ниневии. До сих пор исследователи не уделяли ей должного внимания. Краткое царствование ильхана Байду в 1295 году пробудило надежды среди христианского населения, которые, однако, были обмануты с приходом к власти Газан-хана, установившего окончательное господство ислама. Байду-хан сделал попытку противостоять распространению ислама, за что заслужил похвалы сирийского историка Бар-Эбрея и дал повод Марко Поло и армянскому историку Хетуму (Гайтону) считать его христианином. Когда хан посетил монастырь Мар Бехрам, он восстановил право собственности монастыря, отнятое ранее монголами, и в честь этого визита была сделана более длинная сирийская и краткая тюркская надпись [40, s. 219; 26]⁹. Текст краткой тюркской надписи:

Qidir Aliyas-niing qut-i alqış-i ilqan-qa bāg-lār qatun-lar-qa qon-zun ornaş-zun «Да будет благодать и благословение Хидра Иляса на ильхане, на господах и госпожах».

Чем так интересна эта надпись и упомянутые выше тюркские примечания на грамотах? Во-первых, они показывают, что в канцелярии иранских ильханов были уйгурские писцы, и возможно, что там составлялась и большая часть монгольских грамот. Во-вторых, тюркский язык уйгурских писцов являлся вариантом восточного тюркского литературного языка, а не тюркским языком, на котором говорили жившие в Иране огузы. Последний только после монгольского периода развивается в собственный литературный язык иранских тюрков, который принято называть азербайджанским или иранским тюркским (тюрки аджами).

Хочется обратить внимание еще на два явления, которые указывают на влияние монгольского периода в Иране, и которые наблюдались длительное время и после XIII–XIV веков. Первое явление относится к канцелярским формулам. Формулы монгольских грамот сложились на уйгурской основе; например, хорошо известные вводные слова в ханских ярлыках, которые должны были выражать повеление хана. Формула *üge tanu*, «слово мое», на тюркском звучала как *sözüm(üz)*. Если грамота выдавалась не властителем, а чиновником высокого ранга, формула менялась: «X (имя хана) повелел, Y (чиновник высокого ранга) слова». Например, в выданной 13 апреля 1321 года (721 rabī' I 14) грамоте: *Abū Sa'īd Bahādur hān yarlığīndīn, Çoban sözi*, «Абу Саид повелел, слово Чобана» [27, s. 90]. Эта формула настолько закрепилась в практике канцелярии, что формулой *sözüm(üz)* пользовались в грамотах на персидском языке еще долгое время после исчезновения монгольских канцелярий, во время династий Кара-Коюнлу (1375–1468), Ак-Коюнлу (1378–1508) и Тимуридов (1370–1506), вплоть до конца XV века [15, s. 30–31, 148, 151, 154, 162, 171; 25, s. 64, 72].

Другой яркий пример восточно-тюркского влияния – использование двенадцатилетнего животного календаря. Зодиакальный календарь китайского

⁹ Фотография сделанной уйгурицей надписи до сих пор не опубликована ни в статье Гаррак и Ниу [26], ни в других источниках, поэтому мы вскоре опубликуем наши снимки, сделанные на месте весной 2002 года, еще до иракской войны.

происхождения был известен уйгурам уже в VIII веке. Монголы позаимствовали тюркскую версию этого китайского календаря у уйгуров и вводили его на всех завоеванных территориях [14, р. 209–357, 385–412]. Введение и использование китайско-уйгурского календаря в Иране было признаком монгольского владычества, а также выражением того факта, что новые власти Ирана прибыли не из-за стен исламской учености, а привнесли с собой часть знаний Дальнего Востока. Название 12 лет животного цикла перевели на монгольский, но в ходу были также тюркские названия. Например, в историческом сочинении Рашид ад-Дина названия лет двенадцатилетнего животного календаря встречаются 54 раза, 26 раз на тюркском, 34 раза используются монгольские названия, а в 13 случаях невозможно точно определить, является ли название тюркским или монгольским по происхождению, так как оно звучит одинаково в обоих языках (напр., *lu*, “дракон”). Однако названия месяцев использовались только в тюркской форме. После монгольского периода использование тюркско-монгольских названий животных для календарных лет сохранилось, правда не так широко, и их регулярно фиксировали, наряду с датами хиджры, вплоть до конца династии Каджаров (1781–1925) [31].

Присутствие тюркских элементов в иранских монгольских канцеляриях и введение двенадцатилетнего животного календаря подтверждают тот факт, что монгольское владычество в ряде случаев укрепляло в Иране (куда можно включить Азербайджан и Восточную Анатолию) тюркские культурные позиции. Неслучайно, что после принятия ислама большинство иранских монголов в XIV веке не стали персами, а растворились среди тюрков, более близких к ним в культурном плане. Монгольское завоевание не прервало в Иране тюркский период, который начался с владычества сельджуков. Наоборот, после монгольского периода (1257–1335) тюркское влияние продолжало усиливаться вплоть до конца династии Каджаров в 1925 году.

Вследствие начатой Газан-ханом исламизации монгольский язык был вытеснен не только из канцелярий, но и из повседневного общения, а к XIV веку столь почитаемый когда-то язык завоевателей полностью исчез, оставив после себя большой пласт заимствований в персидском языке, о чем дает исчерпывающее представление первый том монографии Г. Дерфера [23]. Недавно П. Мартинез указал на чрезвычайно интересное лингвистическое явление в статье, в которой он исследовал изменения в языках Ближнего Востока в широком контексте. Мартинез считает, что в персидском жаргоне появилось множество монгольских (и тюркских) слов, что однозначно указывает на снижение социального статуса монгольского языка вместе с ослаблением монгольского владычества, а со временем эти слова стали ассоциироваться с низким стилем речи. Начало этого процесса отражается в знаменитом персидском стихотворении Пур-и Баха (ум. ок. 1284), в котором автор с помощью избыточного использования монгольских и тюркских слов создает экзотическую атмосферу уходящего мира завоевателей [32].

Монеты обоих государств и надписи на них также предоставляют хороший материал для исследования культурных и языковых различий. Использование официального монгольского языка не ограничивалось канцеляриями: как золотоордынские ханы, так и ильханы, а затем династия Джалаиридов, выпускали монеты с надписями, сделанными уйгурицей на монгольском языке. Возьмем два примера на территории Золотой Орды. Первый пример – не

датированные монеты хана Толе-Бука (686–689 г.х./1287–1290), отчеканенные в Кырыме (*Qirim*), древней столице Крыма, на которых на одной из сторон имя хана написано уйгурицей¹⁰. Второй пример – серебряный дирхем хана Токту, отчеканенный в 710 г.х./1310–1311 годах в столице Золотой Орды Сарае (Сарай ал-махруса). На одной стороне монеты имя Токту в монгольской форме *Toqtaya* написано уйгурицей¹¹.

На монетах иранских ильханов от Абака до Газана присутствует длинный монгольский текст, соответствующий следующей монгольской формуле: *Qayan-u nereber (XU) deletgegüliüg-sen*, «от имени кагана отчеканил ХУ»¹². Рассмотрим для примера серебряную монету с именем Байду-хана, правившего всего полгода в 1295 году. Монета отчеканена в столице ильханидов Тебризе, и на одной из сторон указано имя хана в следующей формуле: *Qayan-u nereber Baydu-yin deletgegüliüg-sen*, «от имени кагана отчеканил Байду»; ниже – имя Байду арабскими буквами; а на обратной стороне – арабский текст мусульманского свидетельства веры Шахады: *lā ilāha illā 'llāhu Muḥammad rasūlullāhi*, «нет Бога кроме Аллаха и Мухаммед пророк его»¹³.

После принятия ислама Газаном и его обширных реформ (1301) монгольская формула на монетах исчезает. Как в Золотой Орде, так и в Иране Ильханидов все большее место на монетах занимают характерные для исламских монет арабские формулы, а в XIV веке, рядом с арабским, уйгурицей на монетах указывалось только имя хана (и то не всегда).

Фоном языковых и культурных явлений, о которых мы говорили до сих пор, являются вопросы религии и права – определяющие элементы мировоззрения и мировосприятия. Таким образом, в заключение мы не можем обойтись хотя бы без краткого обзора этих явлений. Когда монголы появились на исторической сцене, на завоеванных ими территориях Средней Азии и Ближнего Востока господствующей религией был в основном ислам. Более того, в предшествующих XIII веку столетиях исламская цивилизация переживала первый период рассвета. Ислам – это триумфальное мировоззрение, религия, стремящаяся к победе в этом мире. Мусульмане могут испытывать благоденствие и вообще представляют свое существование только как государственно образующие и господствующие народы. Хотя христиане и евреи на завоеванных территориях Ближнего Востока и Испании и имели определенную автономию, но рассматривались как поданные второго ранга. Именно поэтому мусульманам было так трудно принять тот факт, что варвары и язычники монголы в 1258 году захватили и разрушили столицу халифата Багдад и подчинили себе практически все мусульманское население. На тех немногих территориях, оставшихся не завоеванными монголами, таких как государство Мамлюков или Индия, мусульманские авторы (Ибн Таймия в Сирии и Джузджани в Индии) резко осуждали варварские завоевания монголов, их религию и правовую систему, а кодекс Яса они считали несовместимым с шариатом. Естественно, на завоеванных монголами мусульманских территориях невозможно было игнорировать присутствие новой власти, и в XIII–XIV

¹⁰ <http://www.zeno.ru/showgallery.php?cat=8572>

¹¹ <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=10976>

¹² См. подробнее об этих памятниках в книге Омера Дилера: [22]; и в базе данных в интернете: www.zeno.ru.

¹³ <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=28685>

веках два крупнейших персидских историка, Джувейни и Рашид ад-Дин, были уже апологетами монгольских властителей, пытаясь примирить ислам и монгольское владычество как в своих сердцах, так и в произведениях. Но ждать долго не пришлось: за два–три поколения, к XIII веку закончился хорошо известный процесс, классическое определение которому дал Гораций в связи с отношениями римлян и греков:

Graecia capta ferum victorem cepit et artes / Intulit agresti Latio ... [28, Epist. II.1.156–157].

«Греция, взятая в плен, победителей диких пленила, / В Лаций суровый внеся искусства».

Проще говоря, дом Чингизидов и монгольская знать приняли ислам, и с этого момента они проявляли свои воинские доблести во имя и в защиту ислама. В Иране ислам стал государственной религией в конце XIII века, после обращения Газан-хана; а в Золотой Орде – после попыток Берке (1257–1266) и других ханов он был признан таковой только при Узбек-хане (1313–1341). Такое отставание Золотой Орды от Ирана объясняется тем, что большинство завоеванного там тюркского населения (за исключением территорий волжских булгар) еще не подверглось или лишь поверхностно подверглось исламизации, в то время как в Иране ислам как благодаря персидскому, так и пришлому огузско-тюркскому населению, уже в течение веков был органической частью исламской цивилизации; поэтому здесь культурная и религиозная ассимиляция находившихся в меньшинстве завоевателей проходила гораздо быстрее. Однако, хотя монголы и стали мусульманами, они еще в течение долгого времени не могли, да и не хотели, отказываться от многих традиций и привычек своих предков. Они сохраняли существенные элементы монгольской религиозной и правовой системы Ясы, освященной основателем Чингиз-ханом. В первую очередь, у так называемой «золотой ветви» (*altan uruy*) династии Чингиза сохранились претензии на универсальное мировое владычество, которые долгое время оставались в силе и после падения монгольских государств-наследников в XIV веке. В мусульманской Средней Азии от казахских степей до Бухары, Хивы и Коканда, вплоть до частичного, а затем и полного поглощения этих территорий Россией в XIX веке, основную политическую легитимацию, то есть полученное свыше право на царствование, обеспечивали потомки Чингиз-хана, превратившиеся в тюрков и мусульман.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ализаде А.А.* (изд.). Фазлуллах Рашид-ад-дин: Джамии ат-таварих (Сборник летописей). Том III. Баку, 1957.
2. *Березин И.Н.* Ханские ярлыки II. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань, 1851.
3. *Вашири И.* Жалованные грамоты Джучиева Улуса, данные итальянским городам Кафа и Тана // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды) от Калки до Астрахани 1223–1556. Казань, 2002. С. 193–206.
4. *Веселовский Н.И.* Несколько пояснений касательно ярлыков данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // Записки Русского Географического Общества по отделению этнографии. Сборник в честь семидесятилетия Г.Н. Потанина. СПб., 1909. № 34. С. 527–532.

5. Григорьев А.П. Официальный язык Золотой Орды в XIV–XVI вв. // Тюркологический сборник 1977. М., 1981. С. 81–89.
6. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб., 2002.
7. Григорьев В.В. Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Герая // Записки Одесского Общества истории и древностей. Одесса, 1844. № 1. С. 337–346 (338–339).
8. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом XIII–XIV вв. М., 1966.
9. Понне Н. Золотоордынская рукопись на бересте // Советское востоковедение. М., 1941. № 2. С. 33.
10. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. 318 с.
11. Allsen Th.T. Commodity and Exchange in the Mongol Empire. Cambridge, 1997.
12. Allsen Th.T. The Rasūlid Hexaglot in Its Eurasian Cultural Context // The Rasūlid Hexaglot: Fourteenth century Vocabularies in Arabic, Persian, Turkic, Greek, Armenian and Mongol / Edited with notes and commentary by P.B. Golden, translated by T. Halasi-Kun & P.B. Golden & L. Ligeti & Ö. Schütz, with introductory essays by P.B. Golden & Th.T. Allsen. Leiden, Boston, Köln. P. 25–48.
13. Al-‘Umarī. Das mongolische Weltreich: al-‘Umarī’s Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al-abṣār fī mamālik al-amṣār / kiad. ford. K. Lech. Wiesbaden, 1968.
14. Bazin L. Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancien. Budapest, Paris, 1991.
15. Busse H. Untersuchungen zum islamischen Kanzleiwesen an hand türkmenischer und safawidischer Urkunden. Kairo, 1959.
16. Bentley J.H. Old World Encounters: Cross-Cultural Contacts and Exchanges in Pre-Modern Times. New York, Oxford, 1993.
17. Cleaves F.W. The Mongolian Documents in the Musée de Téhéran // Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge, Mass., 1953. № 16. P. 1–107.
18. Cleaves F.W. Daruga and Gerege // Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge, Mass., 1953. № 16. P. 237–259.
19. Dankoff R. Qaraxanid Literature and the Beginnings of Turco-Islamic Culture // Central Asian Monuments / Ed. by Hasan B. Paksoy. Istanbul, 1992. P. 73–80.
20. de Mas Latrie L. Privilèges commerciaux accordés à la république de Venise par les princes de Crimée et les empereurs mongols du Kiptchak // Bibliothèque de l’école des chartes. Paris, 1868. Vol. 29/6. P. 581–595.
21. Desimoni C. Trattato dei Genovesi col chan dei Tartari nel 1380–1381 scritto in lingua volgare // Archivio Storico Italiano, quarta serie. Roma, 1887. Vol. 20. P. 161–165.
22. Diler Ö. Ilkhanids. Coinage of the Persian Mongols. Istanbul, 2006.
23. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, I–IV. Wiesbaden, 1963–1975.
24. Doerfer G. Mongolica aus Ardabil // Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn. Wiesbaden, 1975. Bd. 9. S. 221–223.
25. Fekete L. Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente (Aus dem Nachlass des Verfassers herasugegeben von G. Hazai). Budapest, 1977.
26. Harrak A., Niu Ruji. The Uighur Inscription at the Mausoleum of Mar Behnam, Iraq // Journal of the Canadian Society for Syriac Studies. Piscataway, 2004. № 4. P. 66–72.
27. Herrmann G. Persische Urkunden der Mongolenzeit. (Documenta Iranica et Islamica 2). Wiesbaden, 2004.
28. Horatius Restitutus: Or the Books of Horace / ed. James Tate. London, 1837².

29. *Kradin N.N.* Chinggis Khan, World System Analysis and Preindustrial Globalization // *Entelequia*, revista interdisciplinaria. Núm. 15 (especial 2013). P. 169–188. Available at: <http://www.eumed.net/entelequia>
30. *Martinez P.* Changes in Chancellery Languages and Language Changes in General in the Middle East with Particular Reference to Iran in the Arab and Mongol Periods // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Wiesbaden, 1987–1991. Vol. 7. P. 103–152.
31. *Melville Ch.* The Chinese Uighur Animal Calendar in Persian Historiography of the Mongol Period // *Iran*. London, 1994. Vol. 32. P. 83–98.
32. *Minorsky V.* Pür-i Bahā's 'Mongol' Ode (*Mongolica* 2) // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. London, 1956. Vol. 18. P. 261–278.
33. *Morgan D.* The Mongols. Second edition. Oxford, 2007.
34. *Mostaert A., Cleaves F.W.* Trois documents mongols des Archives Secrètes Vaticanes // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Cambridge, 1952. Vol. 15. P. 419–506.
35. *Münküjev N.Ts.* A New Mongolian P'ai-tzū from Simferopol // *Acta Orientalia Hungarica*. Budapest, 1977. Vol. 31. P. 185–215.
36. *Papazian A.D.* Deux nouveaux iarlyks d'ilkhans // *Banber Matanadarani*. 1962. № 6. P. 297–399 (на армянском языке, с французским резюме).
37. *Philologiae Turcicae Fundamenta (I–II)*.
38. *Poppe N.* The Mongolian Monuments in ḥP'ags-pa Script // *Göttinger Asiatische Forschungen VIII*. Wiesbaden, 1957.
39. *Siouffi M.* Notice sur le cachet du sultan mogol Oldjaïtou Khodabendeh // *Journal Asiatique*, 9. série. Paris, 1896. № 8. P. 336–337.
40. *Spuler B.* Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220–1350. Leipzig, 1939 (4-е издание: Berlin, 1985).
41. *Sudāvar, Abu'l-'Alā Barrasi-ye farmān-e oyghuri-ye Abu Sa'id Bahādor Ḥān va erṭebāt-e ān bā kašf-e yeki az ja'lhā-ye tāriḥi-ye šafaviyye* [Уйгурский указ Абу Саид Бахадур хана и его соотношение с открытием одной исторической фальсификации сафавидского периода] // *Nāme-ye Bahārestān*. Tehran, 1389 [2010]. Vol. 11/12. P. 197–210.
42. *Vásáry I.* *Az Arany Horda kancelláriája*. Budapest, 1987.
43. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://www.zeno.ru> (дигитальная база данных по восточной нумизматике).

Сведения об авторе: Иштван Вашари – профессор, университет им. Этвеша Лоранда, факультет гуманитарных наук, отделение тюркских и центрально-азиатских исследований; член-корреспондент Венгерской Академии наук (H–1053, Будапешт, Венгрия). E-mail: vasaryi@gmail.com

Поступила 20.01.2017 г.

Принята к публикации 01.03.2017 г.

MULTILINGUALISM AND CULTURAL INTERACTIONS IN THE GOLDEN HORDE

István Vásáry

*Eötvös Loránd University
Budapest H–1053, Hungary
E-mail: vasaryi@gmail.com*

Objectives: to examine linguistic and cultural interaction in the Golden Horde.

Research materials: while addressing the issues of linguistic and cultural interaction in the Golden Horde the author analyzes various documentary and narrative sources, numismatic materials and conclusions of Russian and Western historiography.

Results and novelty of the research: The author examines these issues in the case of two Western Mongol states: the Golden Horde and the state of Ilkhans in Iran. He defines the time frame of research as extending to the middle of the 14th century. The author concludes that despite the fact that the Mongolian language and writing became the official means of communication in the Empire they never replaced or supplanted the local languages since the established empire was multicultural and conquerors represented a linguistic minority within its boundaries. The author explains in turn the Golden Horde retardation from Iran in the process of Islamization with the fact that most of the conquered Turkic population (excluding the territories of the Volga Bulgars) had not yet undergone the Islamization or had undergone it only superficially, while in Iran, Islam had for centuries been an integral part of Islamic civilization. Therefore, cultural and religious assimilation of the conquerors of Iran, who were in the minority, occurred much earlier. The novelty of the article is displayed in the author's conclusions that despite the Mongols became Muslims, over time they could not and did not want to give up many of the traditions and customs of their ancestors. They retained the essential elements of the Mongol religious and legal system of Yasa consecrated by its founder – Chinggis Khan. In the first place, the so-called “Golden Branch” (*altan uruy*) of Chinggis' dynasty retained the claim to universal world dominion, which for a long time remained in force even after the fall of the Mongol successor-states in the 14th century.

Keywords: history, culture, religion, Golden Horde, Iran, Mongol Empire, linguistic situation.

For citation: Vásáry I. Multilingualism and Cultural Interactions in the Golden Horde. *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 56–73. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1/56-73

REFERENCES

1. Alizade A.A. (ed.), *Fazlullakh Rashid-ad-din: Dzhami at-tavarikh (Sbornik letopisey)* [Rashid al-Din. Compendium of Chronicles]. Vol. III. Baku, 1957. (In Russian)
2. Berezin I.N. *Khanskie yarlyki II. Tarkhannye yarlyki Tokhtamysha, Timur-Kutluka i Saadet-Gireya* [Yarliks of the Khans. II: Yarliks of Toqtamish, Timur Kutlugh and Saadet Giray]. Kazan, 1851. (In Russian)
3. Vásáry I. *Zhalovannye gramoty Dzhuchieva Ulusa, dannye ital'yanskim gorodam Kafa i Tana* [Charters of the Ulus of Jochi Granted to the Cities of Kaffa and Tana]. *Istchnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordyy) ot Kalki do Astrakhani 1223–1556* [Source Study of the History of the Ulus of Jochi (Golden Horde): From Kalka to Astrakhan 1223–1556]. Kazan, 2002, pp. 193–206. (In Russian)
4. Veselovskiy N.I. *Neskol'ko poyasneniy kasatel'no yarlykov dannykh khanami Zolotoy Ordyy russkomu dukhovenstvu* [Several Explanations regarding the Data of the Golden Horde Khans' Yarliks Granted to the Russian Clergy]. *Zapiski Russkogo Geograficheskogo Obshchestva po otdelenii etnografii. Sbornik v chest' semidesyatiletiya G.N. Potanina* [Notes of the Ethnographic Department of the Russian Geographic Society. Collection in honor of the seventieth anniversary of G.N. Potanin]. St. Petersburg, 1909, no. 34, pp. 527–532. (In Russian)
5. Grigor'ev A.P. *Ofitsial'nyy yazyk Zolotoy Ordyy v XIV–XVI vv.* [Official Language of the Golden Horde in the 14th–16th centuries]. *Tyurkologicheskiy Sbornik 1977* [Studia Turcologica 1977]. Moscow, 1981, pp. 81–89. (In Russian)

6. Grigor'ev A.P., Grigor'ev V.P. *Kolleksiya zolotoordynskikh dokumentov XIV veka iz Venetsii* [Collection of the Golden Horde Documents of the 14th century from Venice]. St. Petersburg, 2002. (In Russian)
7. Grigor'ev V.V. Yarlyki Tokhtamysha i Seadet-Geraya [Yarliks of Toqtamish and Saadet Giray]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Odessa, 1844, no. 1, pp. 337–346 (338–339). (In Russian)
8. Zakirov S. *Diplomaticheskie otnosheniya Zolotoy Ordy s Egiptom XIII–XIV vv.* [The Golden Horde Diplomatic Relations with Egypt in the 13th–14th centuries] Moscow, 1966. (In Russian)
9. Poppe N. Zolotoordynskaya rukopis' na bereste [A Golden Horde Manuscript on Birch Bark]. *Golden Horde Review*. Moscow, 1941, no. 2, p. 33. (In Russian)
10. Usmanov M.A. *Zhalovannyye akty Dzhuchieva ulusa XIV–XVI vv.* [Granted Charters of the Ulus of Jochi of the 14th–16th centuries]. Kazan, 1979. 318 p. (In Russian)
11. Allsen Th.T. *Commodity and Exchange in the Mongol Empire*. Cambridge, 1997.
12. Allsen Th.T. The Rasūlid Hexaglot in its Eurasian Cultural Context. *The Rasūlid Hexaglot: Fourteenth century Vocabularies in Arabic, Persian, Turkic, Greek, Armenian and Mongol*. Edited with notes and commentary by P.B. Golden, translated by T. Halasi-Kun & P.B. Golden & L. Ligeti & Ö. Schütz, with introductory essays by P.B. Golden & Th.T. Allsen. Leiden, Boston, Köln, pp. 25–48.
13. Al-'Umarī. *Das mongolische Weltreich: al-'Umarī's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al-abṣār fī mamālik al-amṣār*. Kiad. ford. K. Lech. Wiesbaden, 1968. (In German)
14. Bazin L. *Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancien*. Budapest, Paris, 1991. (In French)
15. Busse H. *Untersuchungen zum islamischen Kanzleiwesen an hand türkmenischer und safawidischer Urkunden*. Kairo, 1959. (In German)
16. Bentley J.H. *Old World Encounters: Cross-Cultural Contacts and Exchanges in Pre-Modern Times*. New York, Oxford, 1993.
17. Cleaves F.W. The Mongolian Documents in the Musée de Téhéran. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Cambridge, Mass., 1953, no. 16, pp. 1–107.
18. Cleaves F.W. Daruga and Gerege. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Cambridge, Mass., 1953, no. 16, pp. 237–259.
19. Dankoff R. Qarakhanid Literature and the Beginnings of Turco-Islamic Culture. *Central Asian Monuments*. Ed. by Hasan B. Paksoy. Istanbul, 1992, pp. 73–80. (In German)
20. de Mas Latrie L. Privilèges commerciaux accordés à la république de Venise par les princes de Crimée et les empereurs mongols du Kiptchak. *Bibliothèque de l'école des chartes*. Paris, 1868, Vol. 29/6, pp. 581–595. (In French)
21. Desimoni C. Trattato dei Genovesi col chan dei Tartari nel 1380–1381 scritto in lingua volgare. *Archivio Storico Italiano*, quarta serie. Roma, 1887, Vol. 20, pp. 161–165. (In Italian)
22. Diler Ö. *Ilkhanids. Coinage of the Persian Mongols*. Istanbul, 2006.
23. Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*, I–IV. Wiesbaden, 1963–1975. (In German)
24. Doerfer G. Mongolica aus Ardabil. *Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn*. Wiesbaden, 1975, Vol. 9, pp. 221–223. (In German)
25. Fekete L. *Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente (Aus dem Nachlass des Verfassers herasugegeben von G. Hazai)*. Budapest, 1977. (In German)
26. Harrak A., Niu Ruji. The Uighur Inscription at the Mausoleum of Mar Behnam, Iraq. *Journal of the Canadian Society for Syriac Studies*. Piscataway, 2004, no. 4, pp. 66–72.

27. Herrmann G. *Persische Urkunden der Mongolenzeit*. (Documenta Iranica et Islamica 2). Wiesbaden, 2004. (In German)
28. *Horatius Restitutus: Or the Books of Horace*. Ed. James Tate. London, 1837².
29. Kradin N.N. Chinggis Khan, World System Analysis and Preindustrial Globalization. *Entelequia, revista interdisciplinaria*. Núm. 15 (especial 2013), pp. 169–188. Available at: <http://www.eumed.net/entelequia>
30. Martinez P. Changes in Chancellery Languages and Language Changes in General in the Middle East with Particular Reference to Iran in the Arab and Mongol Periods. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Wiesbaden, 1987–1991, Vol. 7, pp. 103–152.
31. Melville Ch. The Chinese Uighur Animal Calendar in Persian Historiography of the Mongol Period. *Iran*. London, 1994, Vol. 32, pp. 83–98.
32. Minorsky V. Pūr-i Bahā's 'Mongol' Ode (Mongolica 2.) *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. London, 1956, Vol. 18, pp. 261–278.
33. Morgan D. *The Mongols*. Second edition. Oxford, 2007.
34. Mostaert A., Cleaves F.W. Trois documents mongols des Archives Secrètes Vaticanes. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Cambridge, 1952, Vol. 15, pp. 419–506. (In French)
35. Münküjev N.Ts. A New Mongolian P'ai-tzū from Simferopol. *Acta Orientalia Hungarica*. Budapest, 1977, Vol. 31, pp. 185–215.
36. Papazian A.D. Deux nouveaux iarlyks d'ilkhans. *Banber Matanadarani*. 1962, no. 6, pp. 297–399. (In the Armenian language, with a French summary).
37. *Philologiae Turcicae Fundamenta* (I–II). (In Latin et al.)
38. Poppe N. *The Mongolian Monuments in ḥP'ags-pa Script*. (Göttinger Asiatische Forschungen VIII). Wiesbaden, 1957.
39. Siouffi M. Notice sur le cachet du sultan mogol Oldjaïtou Khodabendèh. *Journal Asiatique*, 9. série. Paris, 1896, no. 8, pp. 336–337. (In French)
40. Spuler B. *Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220–1350*. Leipzig, 1939 (4th ed.: Berlin, 1985). (In German)
41. Sudāvar, Abu'l-'Alā Barrasi-ye farmān-e oyghuri-ye Abu Sa'id Bahādor Ḥān va erṭebāt-e ān bā kašf-e yeki az ja'lhā-ye tāriḥi-ye šafaviyye. *Nāme-ye Bahārestān*. Tehran, 1389 [2010], Vol. 11/12, pp. 197–210. (In Persian)
42. Vásáry I. *Az Arany Horda kancelláriája*. Budapest, 1987. (In Hungarian)
43. Available at: <http://www.zeno.ru> (Digital Database for the Eastern Numismatics Data).

About the author: István Vásáry – Professor Emeritus, Eötvös Loránd University, Faculty of Humanities, Department of Turkic and Central Asian Studies; corresponding member of the Hungarian Academy of Sciences (Budapest H–1053, Hungary). E-mail: vasaryi@gmail.com

Received January 20, 2017

Accepted for publication March 01, 2017